

ВОЗЗРЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПРИРОДУ АВТОРСКОГО ПРАВА

Евгения НИКОГОСЯН

*Соискатель кафедры гражданского и
гражданско-процессуального права
Российско-Армянского (Славянского)
университета*

Некоторые идеи, на которых строится современное авторское право, пришли из очень отдаленных времен. Прежде всего это касается представления об особой связи между произведением и его создателем. Заимствование чужого произведения еще в давние времена рассматривалось морально предосудительным, а искажение произведения осуждалось общественным мнением в античной Греции и Риме, а еще намного раньше и в Индии¹.

До изобретения книгопечатания литературное произведение не могло иметь того имущественного интереса, которое оно приобрело после. Механическое воспроизведение сочинений состояло в то время в простой переписке их особыми писцами. При таком положении дел, естественно, автор не мог рассчитывать на какое-либо денежное вознаграждение за свое сочинение и должен был довольствоваться тем, что находился издатель, согласившийся принять на себя все издержки по переписке данного произведения.

Вопрос об авторском праве стал актуальным с момента революции в области техники воспроизведения, которую вызвали открытие искусства книгопечатания и искусства гравюры по дереву и меди. С изобретением в 1440 г. Иоханном Сулченохом Генсфлейшем (по

прозванию Гутенберг) книгопечатания стало возможным быстро и дешево распространять экземпляры сочинений в большом количестве. Изобретение книгопечатания совпало с эпохой возрождения, когда сочинения классиков пользовались большим спросом. На первых порах главнейшим образом и печатались сочинения классиков. Но в то же время появилась и самовольная перепечатка чужих сочинений (контрафакция)², нанося большой вред не только уполномоченным авторами издателям, но и самим писателям, так как ценность их сочинений в виду возможности и безнаказанности перепечатки, все более и более понижалась.

При полнейшем отсутствии в тогдашних законодательствах каких-либо определений на счет авторского права и при совершенном молчании о ней римского права попытки тогдашних ученых мотивировать неправомерность контрафакции ограничивались лишь указаниями на ее несоответствие требованиям естественного права и справедливости³. Так, Агасфер Фрич, Адриан Бейер, а за ним и Бирнбаум утверждают, что несправедливо и противно христианским догматам предвосхищать ожидаемую другим выгоду, а Бейер прибавляет, что отсутствие привилегии на исключительное издание книги еще не указывает на отсутствие всякого права, помощи, греха и наказания. «Естественное право, говорит он, разум указывает всякому не трогать того, что принадлежит другому. Из того, что человеческая злоба, а отчасти глупость вынудили правительство запретить воровство под страхом наказания,

ԲԱՆԴԱՅԻՆԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔ

не следует еще, что до этого воровство было законно». Исходя из того же воззрения, Лейпцигский юридический факультет в своем мнении от 1706 года приходит к заключению, что перепечатка даже непривилегированных книг есть воровство: «Книга, все равно, издает ли автор ее сам, или продает ее книгопродавцу, есть истинная и законная собственность первого или последнего. Подобно тому как вообще никто не имеет права отнимать принадлежащее другому против его воли, так точно несправедливо без всякого права отнимать у другого книгу посредством контрафакции. Если же автор и добивается привилегии, то в этом отнюдь нельзя усматривать впервые выраженное им желание приобрести собственность на свою книгу, а из этого скорее следует, что он желает иметь готовую защиту (paratam executionem)»⁴.

Развитие же законодательства в области авторского права сопровождалось научным анализом прав авторов в отношении их произведений, в результате чего учеными юристами и философами были разработаны многочисленные теории вновь зародившегося права. Остановимся на одной из них, которая относит авторское право к личному праву. Данная теория основана на идее, что литературные и художественные произведения являются частью личности их создателей. Отсюда авторы обладают по отношению к своему произведению не имущественным, а личным правом. Основой же данной теории считается философия Иммануила Канта, воззрения которого стали основой для генезиса моральных прав автора.

В своей аргументации Кант не дает прямого определения юридического ха-

рактера авторских прав. Однако из смысла его аргументов можно сделать вывод, что он принимает автора за истинного собственника своего произведения. С точки зрения как Канта, так и Гегеля, частная собственность возникает благодаря приложению к внешнему объекту не столько индивидуального труда, сколько индивидуальной воли. Обращенная в обладание субъекта вещь поэтому становится воплощением его индивидуальных черт, в свою очередь, человек, отчуждая из своего обладания вещь, более не связывает вещь своим волевым усилием. При этом и для Канта, и для Гегеля отчуждаем может быть лишь объект, внешний обладающему им субъекту, те же блага, что составляют собственно личность субъекта, являются неотчуждаемыми, субъективные права на них неотъемлемы. К таким благам относится личность субъекта как таковая, свобода воли, нравственные и религиозные убеждения. Именно критерий подвластности блага волевому усилию субъекта л, г в основание фундаментального для континентальной системы деления всех правомочий на отчуждаемые и неотчуждаемые.

Уделяя немало внимания природе прав, возникающих в отношении произведения у их создателей, Кант пишет: «Книга — это сочинение (здесь безразлично, написано ли оно пером или напечатано, много в нем страниц или мало), представляющее речь, обращенную кем-то к публике в зримых знаках языка»⁵. По Канту сочинителем (autor) является тот, кто обращается к публике от своего собственного имени, издатель же в сочинении публично выступает от имени автора, то есть служит посредником для передачи этой речи публике. Однако для того, чтобы издатель действовал правомерно, автором ему должно быть предоставлено полномочие (mandatum).

В обратном случае имеет место незаконное перепечатание книги, контрафакция, наносящая ущерб личности. Отсюда тот, кто управляет делами другого от его имени и против его воли обязан возвратить этому другому или его уполномоченному все выгоды, какие сам хозяин мог бы получить от такого управления делами, и возместить ущерб, который ему причинен этим управлением. Кант считает, что самые элементарные понятия естественного права предписывают, чтобы незаконно вмешивающийся в дела другого подлежал за такое вмешательство ответственности, именно такое вмешательство проявляет контрафактор.

Кант причисляет договор об издании к разряду тех договоров, из которых вытекают права и обязанности чисто личного свойства. Покупка экземпляра книги еще не служит доказательством заключения такого договора между покупателем и автором, а потому и не дает первому права на личное действие последнего, выражающееся в публичной речи⁶.

По Канту: «книга, с одной стороны, есть физическое изделие (opus mechanicum), которое может быть воспроизведено (тем, кто правомерно владеет экземпляром его), стало быть, по отношению к ней имеется вещное право; с другой стороны, книга есть просто обращенная к публике речь издателя, которую он не имеет права повторять, если у него нет на это полномочия автора (praestatio operae), то есть она есть личное право»⁷. Таким образом, по Канту, сам по себе факт владения или обладания книгой не дает еще, права на ее воспроизведение, так как этим было бы нарушено бесспорное право автора самому решать, когда и каким образом, и посредством какого издателя обратится он своим произведением к публике. Интерес автора в выборе времени и способа такого обращения

Кант рассматривал как неотчуждаемую составляющую личности автора. Автор может лишь разрешить печатать свою книгу, само же право на печатание не становится предметом уступки. При этом, действуя фактически как доверенное лицо автора, издатель обязан представить изданную книгу таким образом и способом, которые отвечают намерению автора.

Кантианская трактовка авторского права как единичного, личного и неотчуждаемого права легла в основу возникшей в конце XIX в. школы, считавшей, что автор вправе разрешать использование своего произведения, но не может совершать уступку (или полный отказ) в пользу третьего лица своих прав на него и далее был воспринят германским законодательством об авторском праве⁸.

Взгляды Канта о природе авторских прав далее были восприняты и развиты другим не менее известным философом Фихте, который посвятил небольшую статью (*"Beweis der Unrechtmässigkeit des Vychernachdrucks. Ein Rdsonnement und ein Parabel"* 1793г.) вопросу о неправомерности контрафакции. Фихте с своей точки зрения определяет права автора, издателя и публики, различая в книге два элемента: телесный, т. е. печатную бумагу, и умственный. Собственность на первый через продажу переходит к покупателю. Умственный элемент книги, в свою очередь, распадается на материальный элемент — это содержание книги, излагаемые в ней мысли, и на форму этих мыслей — это способ их изложения, взаимная их связь, обороты речи и выражения. Материальный элемент через простую передачу книги не становится еще нашей собственностью. Чтобы сделать мысли нашими, необходимо вдуматься в содержание книги, многосторонне рассмотреть это содержание

ՔՐՈՂԱՔՆԻՎԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔ

и таким образом ввести ее в нашу собственную сферу мыслей. Но для этого нужно обладать книгой, то есть ее приобретение должно дать нам право и на усвоение мыслей автора. Фихте считает, что обнародованная книга дает возможность усваивать изложенные в ней мысли, и эта возможность в силу своей природы становится общим достоянием (*«gemeinschaftliches Eigenthum»*). “Но форма этих мыслей, связь идей и знаков, в которых они выражены, не может подлежать ничьему освоению вследствие невозможности последнего”⁹, так как у каждого есть своя последовательность идей, своя особая манера составлять себе понятия и взаимно их связывать. Всякая мысль воспринимается нами по аналогии с нашей манерой мыслить, и только такая переработка делает чужие мысли нашими, считает Фихте.

И действительно, невероятно, чтобы два человека думали о предмете совершенно одно и то же, в той же последовательности идей, в тех же образах. Однако считаем, что в исключительных случаях такое является возможным. Но человек, заимствующий мысли у другого, не может ввести их в сферу своих мыслей в той же точно форме, какую они получили у другого. Фихте отмечает, что так как чистые идеи без чувственных образов немислимы, а тем более не могут быть изображаемы перед другими, то само собой разумеется, всякий писатель должен давать своим мыслям форму и не может им дать другой формы кроме своей, однако, передавая свои мысли, он может не пожелать сделать общей и эту форму, которая навсегда остается его исключительной собственностью” (*sein ausschließendes Eigenthum*)¹⁰.

Исходя из вышеизложенного, Фихте приходит к заключению, что ни рукопись, ни форма изложенных в ней мыслей не передаются в распоряжение издателя, объясняя это тем, что форма является неотчуждаемой, а рукопись сама по себе лишена рыночной цены. Таким образом, издатель получает от автора не право продавать мысли автора и их форму, а лишь право пользования на возникшую путем печати возможность усвоить эти мысли. При этом издатель действует уже не от своего имени, а от имени и по поручению автора. Подтверждением этих положений Фихте считает зависимость от автора числа изданий и количества экземпляров и ответственность автора, а не издателя, за содержание книги.

Обобщая воззрения Фихте относительно авторских прав, можно сделать вывод, что, продолжая учение Канта, философ дает более подробный анализ книги и обосновывает то, что каждый имеет свою форму мыслей, которая, по причине своей уникальности, не может быть присвоена другими, то есть является неотчуждаемой.

Большой интерес представляют также мысли Гегеля об отношении автора к своему произведению. Взгляды Гегеля о литературном произведении изложены в разделе о собственности (*«Das Eigentum»*) в своем труде *«Grundlinien der Philosophie des Rechts»*.

Гегель, в свою очередь, также утверждает, что литературные произведения, наряду с изобретениями, олицетворяют мысли и таланты автора, и что эти качества являются достоянием свободного ума, чем-то причастным, а не внешним ему. В отличие от Канта, Гегель, однако, полагает, что выражение интеллектуальных достоинств автора, в том виде, в каком они оказываются воплощены в произведении, есть уже внешнее

автору, и поэтому выражение это является уже свободно отчуждаемым объектом. Таким образом, Гегель считает, что мера отчуждаемости авторских прав такая же, что и мера волевой отчуждаемости любого объекта, созданного человеческим трудом. Гегель указывает, что способ выражения может дать литературному произведению внешность такой вещи, которая может быть воспроизводима и другими, так что приобретатель последней вместе с возможностью усвоить себе высказанные в этом произведении мысли получает еще "общий способ выразиться таким именно образом и производить много таких именно вещей"¹¹. Относительно художественных произведений созданная художником вещь до такой степени носит на себе печать его творчества и искусства, что для ее копировки нужен особый умственный и технический навык. В произведениях же литературы и в изобретениях форма, дающая им значение внешней вещи, обусловлена чисто механическим сочетанием отдельных абстрактных знаков или известным механизмом, так что, будучи таковой, она может быть воспроизведена любым лицом, владеющим самым обыкновенным навыком. Приобретатель экземпляра такой вещи получает на него полное право собственности, но автор или изобретатель этой вещи остается собственником того способа ее воспроизведения, которым могут воспользоваться все вообще в одинаковой степени, так как для него не требуется особенного навыка. "Этот способ автор или изобретатель непосредственно не отчуждал, а удержал за собой как свое особое выражение."¹²

Возможность воспроизводить такую вещь механическим способом ее автор или изобретатель может либо оставить за собой, либо отчуждать как ценность, или же отдавать ее вместе с отдельным

экземпляром. Это и есть та сторона вещи, которая для ее творца имеет значение имущества, она может быть отделена и отличается от того употребления, к какому вещь непосредственно предназначена. Так как она есть часть делимого по своей природе внешнего употребления, то оставление ее за собой при отчуждении остальной части употребления не есть удержание за собой господства без «*utile*».

Таким образом, Гегель отличает собственность на отдельный экземпляр от собственности на общедоступный способ воспроизводить и размножать книгу. При продаже экземпляра, последняя полностью переходит к покупателю, способ же воспроизведения остается за автором и, составляя имущественную сторону его книги, служит ему источником дохода. Следовательно, книга может подлежать двоякому пользованию: с одной стороны, она дает возможность усвоить себе изложенные в ней мысли, а с другой - она является вещью, приносящей доход. Эти два вида пользования не связаны между собой неразрывно и по воле автора могут быть отчуждены порознь или вместе. Однако одно отчуждение экземпляра книги не предполагает отчуждения и второго вида пользования.

Под влиянием трудов вышеназванных философов далее были разработаны различные учения об авторском праве, сыгравшие значительную роль в становлении и развитии законодательства об авторских правах в юрисдикциях континентальной системы. В начале двадцатого века Otto von Gierke в своем трактате об авторских правах "*Deutsches Privatrecht*"¹³ развил взгляды о том, что авторское право есть личное право автора контролировать судьбу своего произведения. Во многом благодаря Гирке теории Канта и Фихте повлияли на не-

ՔԱՂԱՔԱՅԻՎԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔ

մեզու *Urheberrecht* և ֆրանսիական *droit d'auteur*. Главным же представителем теории Гегеля о том, что автор вправе отчуждать свои права на произведение, является Josef Kohler¹⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на свою метафизическую сущность, классическая европейская философия научно доказала то, что между автором и его произведением существует особая связь, нуждающаяся в обеспечении средствами правовой защиты.

- ¹ В. Веинке. Авторское право. Регламентация, основы, будущее/ /Под. ред. Б.Д. Панкина. — М.: «Юридическая литература» 1979. — стр. 15
- ² «Проект статей об авторском праве на литературные, музыкальные и художественные произведения». — СПб.: 1899. — стр. 2
- ³ Я. Канторович. Литературная собственность. С.-Петербург; 1895г., стр.9
- ⁴ И.Г. Табашников. Литературная, музыкальная и художественная собственность. Изд. 1878г. Стр. 10-11
- ⁵ И. Кант. Сочинения в шести томах. Т 4, ч. 2. Метафизика нравов в 2-х частях. М.1965. стр.205
- ⁶ И.Г. Табашников. Литературная, музыкальная и художественная собственность. Изд. 1878г. Стр. 28-29
- ⁷ И. Кант. Сочинения в шести томах. Т 4, ч. 2. Метафизика нравов в 2-х частях. М.1965. стр.206
- ⁸ Russell J. DaSilva. Droit Moral and the Amoral

Copyright: A Comparison of Artists' Rights in France and the United States //28 Bull. Copyright Soc'y 1. 1980.

- ⁹ Stina Teilmann-Lock, «British and French Copyright. A Historical Study of Aesthetic Implications», Copenhagen, 2009. Стр. 49-50; Johann Gottlieb Fichte, "Beweis der Unrechtmässigkeit des Вьchernachdrucks. Ein Rdsonnement und ein Parabel", *Berlinische Monatsschrift* 21, (1793): 443-483, стр. 447.

¹⁰ Там же

- ¹¹ Georg Wilhelm Friedrich Hegels Werke Berlin 1840 m. 8, стр. 105 и сл. (Grundlinien der Philosophie des Rechts) § 68 и 69.

¹² Там же

- ¹³ См.: Otto Friederich von Gierke, *Deutsches Privatrecht*, ed. K. Binding, 2 vols., *Systematisches Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft* (Leipzig: Duncker & Humblot, 1895-1905).

- ¹⁴ См.: Kohler Josef. *Urheberrecht an Schriftwerken und Verlagsrecht*. - Stuttgart, 1907.

VIEWS OF THE REPRESENTATIVES OF CLASSIC EUROPEAN PHILOSOPHY

ABOUT THE LEGAL NATURE OF COPYRIGHT

Evgenya NIKOGOSYAN

PHD student, RASU

Chair of Civil and Civil Procedure Law

In the making of the copyright laws the author's rights concerning their work have been the subject of scientific analysis for many times. As a result numerous theories have been put forward by academic lawyers and philosophers related to the developing right. The personality right theory, according to which the literary and artistic works are considered the part of personality, has a special place among these theories.

The views of the representatives of the mentioned theory of copyright, that is theories of German philosophers Kant, Hegel and Fichte, are presented in this article. These theories later on became the theoretical basis for the Continental European copyright law (particularly for the German Urheberrecht and French droit d'auteur) and specifically for the development of the doctrine of moral rights of authors. Especially, in the late nineteenth century German philosophers Otto Friedrich von Gierke, John Kohler (the main representative of the dualist theory of authors' rights) on the basis above mentioned theories established the foundation for the modern doctrine of moral rights.
